

УДК: 550.389.2, 64.012.6

А. И. Кузнецов**ДОБРОСОСЕДСТВО
И ЕВРОПЕЙСКАЯ
ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА —
В ЧЕМ РАЗЛИЧИЕ?**

Проводится сравнение содержания двух дипломатических понятий, важных для современной практики международного сотрудничества. С использованием исторических примеров и современных документов показана существенная разница между устоявшимся понятием добрососедства и нововведением — Европейской политикой соседства (ЕПС). ЕПС поглощает старый термин добрососедства, характеризующий симметричные отношения международных субъектов по вестфальской модели мира, и выводит на первый план евроцентристскую модель асимметричных отношений. Это создает определенные трудности в развитии отношений между Россией и Евросоюзом, в особенности для участия российской стороны в евросоюзных Программах соседства.

The article compares the scope of two diplomatic terms crucial for the contemporary international cooperation practice. Drawing examples from historical and contemporary documents, the author shows the difference between the settled notion of neighbourhood and the recently introduced one — the European Neighbourhood Policy. The ENP absorbs ab initio the old term that characterises the symmetric relation of international agents in the framework of the Westphalian system and foregrounds the Euro-centred model of asymmetric relations. It creates certain difficulties in the development of Russia-EU relations, especially, in terms of Russian participation in the European Neighbourhood programmes.

Ключевые слова: Европейский союз, добрососедство, Европейская политика соседства, «Восточное партнерство», суверенитет, европейские ценности, ассоциация.

Keywords: European Union, Neighbourhood, European Neighbourhood, «Eastern Partnership», Sovereignty, European values, Association.

Политика добрососедства относится к фундаментальным основам современных международных отношений. В Декларации ООН о принципах международного права, принятой на Генеральной ассамблее 24 октября 1970 г., сказано, что народы объединенных наций «...исполнены решимости жить совместно как *добрые соседи*...». В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) в разделе «Сотрудничество между государствами» также говорится о том, что страны «будут стремиться... содейство-

вать... дружественным и *добрососедским* отношениям между собой...» (в обеих цитатах курсив мой. — А.К.). В первом случае речь идет о принципе международного права, а во втором — скорее о реальных отношениях между государствами, которые следует развивать.

Деятельность Европейского союза основывается на принципах ООН. Поэтому появление в начале нынешнего десятилетия программы Европейской политики соседства (ЕПС) (см., например, [12]), а затем проекта «Восточное партнерство» (ВП) [13] было совершенно закономерным, в духе современных международных отношений. Соседей не выбирают, существует вербальная необходимость выстраивать с ними добрые отношения, и поэтому ЕПС привлекает на практике к сотрудничеству и регионы Российской Федерации.

В документах ЕС, однако, редко употребляется термин «добрососедство». Если же все-таки о «добрых соседях» или «добрососедстве» и пишется, то эти слова используются не самостоятельно, а в связке с другими ключевыми словами. Например, в стратегическом документе [12] говорится о развитии добрососедских отношений (to develop good neighbourly relations). Видно, что само изначальное понятие «добрососедские отношения» подчинено другому слову, определенному через необходимость их развития. В докладе Европейской комиссии «Восточное партнерство» от 3 декабря 2008 г. [13] «добрососедство» не употребляется ни разу, хотя подчеркивается, что ВП является частью ЕПС («специфическое Восточное измерение в рамках Европейской политики соседства»). Не упоминается добрососедство и в таких важнейших документах, как Декларация Европейского совета (Брюссель, 19—20 марта 2009 г.) [15] и Общая декларация Пражского саммита «Восточное партнерство» от 7 мая 2009 г. [16].

Очевидно, что речь идет не о терминологическом дефиците, а о более принципиальных вещах, которые необходимо учитывать в практической работе на российско-европейском направлении сотрудничества. Расшифровка и контекст понятий «добрососедство» и «Европейская политика соседства» помогут лучше понять политику и России, и Европейского союза. Существует необходимость внимательно посмотреть на специфику этих терминов еще и потому, что, по неизвестным нам причинам, международные справочники и дипломатические словари не дают строгого определения понятию добрососедства, давно используемому в международной практике.

«Добрый сосед США»

Термин «добрососедство», по-видимому, впервые был введен в общий оборот дипломатических понятий президентом США Ф. Рузвельтом [12]: 4 марта 1933 г. в своем первом обращении в качестве президента к американскому народу он заявил, что будет проводить «политику доброго соседа» в отношении стран Латинской Америки. Это было добровольное изменение политики США, которое означало большой прогресс для того времени. До Рузвельта весь американский континент считался не

просто зоной влияния сильного соседа (это было очевидно для каждого еще со времени принятия доктрины Монро в 1823 г.), но сферой столь активного влияния, что США вели себя в странах всего западного полушария как полный хозяин (в соответствии с той же доктриной). «У себя дома» можно было наказывать другие страны, как провинившихся детей, и осуществлять вооруженную интервенцию по защите американских интересов. Президент США Кулидж в 1926—1928 гг. обосновывал законность вооруженного вмешательства для защиты американских инвестиций за рубежом. Рузвельт декларировал, что решил положить этому конец («отныне установленная политика США в отношении Латинской Америки будет противоположна политике вооруженного вмешательства»). Вслед за его заявлением постепенно изменялась и реальная внешняя политика: США отказались от прав на интервенцию на Кубе (1934) и в Панаме (1936 г.), прекратили непосредственный финансовый контроль в таких странах, как Гаити, ослабили нажим на другие страны. Можно сказать, что Ф. Рузвельт уже в 1930-х гг. прошлого века начал переход к стратегии «мягкой силы».

Важной стороной инициативы Рузвельта было то, что «политика доброго соседа» повышала суверенность независимых государств американского и других континентов. Значимым было и то, что теперь, по крайней мере теоретически, государственный суверенитет не ставился в зависимость от географического положения страны. До этого широко действовало иное геополитическое правило: чем ближе малая страна к сильному соседу, чем меньше у нее суверенитета. Принцип ограниченного суверенитета действовал и в отношении соседей СССР (так называемая доктрина Брежнева). После инициативы Рузвельта добрососедство как концептуальный принцип стало распространяться и на другие регионы мира, что означало большой прогресс в международных отношениях вообще. Это нашло отражение в документах ООН.

Можно отметить следующие важные особенности добрососедских международных отношений.

Добрососедство как существующая в соответствии с главными принципами международного права форма (тип) отношений между государствами, как правило, не получает специального институционального оформления, пока нет примеров секретариатов по реализации таких отношений либо председательства в кругу «добрых соседей». В этом отношении добрососедство — организационно слабая субстанция с довольно размытым смыслом¹.

¹ Приятно звучащее понятие не мешало (по крайней мере до начала президентства Б. Обамы) тем же США заниматься за «международными кулисами» выкручиванием рук «добрым соседям». Можно привести и трагикомический пример в виде следующей выдержки: «Последовательное дальнейшее проведение этой политики *добрососедства* (курсив наш. — А.К.)... принесет в будущем еще более благодатные результаты для обоих великих народов — таково мое убеждение. Во всяком случае Германия к этому готова и полна решимости пойти на это». Это из письма И. Риббентропа И. Сталину от 13 октября 1940 г. (цит. по: *Риббентрон И. фон. Тайная дипломатия III Рейха*. Смоленск, 1999. С. 234).

Во-вторых, добрососедство в настоящее время является не только и не столько географической ситуацией, сколько договорной формой сотрудничества и не должно интерпретироваться однозначно географически. Это понятие имеет более широкий смысл и применяется также в случае весьма отдаленных друг от друга стран-«соседей», которые могут находиться даже на разных континентах и в разных полушариях. Например, добрососедство упоминается в договорах России с Канадой (19.06.1992 г.) и с Колумбией (08.04.1994 г.). Очевидно, что понятие «доброе соседство» располагается в многомерном пространстве, определяемом и географическими координатами, и принципами, и целями, и формами международных отношений, и т.д. Иногда добрососедство, точнее «развитие добрососедства», присутствует в перечне европейских ценностей, таких как верховенство закона, соблюдение прав человека и национальных меньшинств и т.д. (см., например, раздел «Введение ...» к стратегии ЕПС [12]).

В-третьих, термин «доброе соседство» призван служить индикатором выстраивания строго симметричных отношений между договаривающимися сторонами, которые основываются на равенстве прав, обязанностей и получаемых партнерами выгод от сотрудничества. Добрососедство обычно нацелено на взаимовыгодное сотрудничество строго равных субъектов международного права. В добрососедских отношениях стороны являются в одинаковой мере субъектами и объектами, не допускается асимметричная ситуация, когда один из партнеров является более активным субъектом, а другой или другие играе(ю)т роль объекта его повышенного внимания или опеки. Синонимами добрососедства служат «равноправие», «невмешательство во внутренние дела друг друга» и «баланс интересов», то есть хорошо известный лейтмотив мирных международных отношений². Широко известные соглашения о партнерстве и сотрудничестве (или «соглашения об интересах») заключаются на основе принципа добрососедства.

В-четвертых, для поддержания добрососедских отношений ни одна из сторон не призвана финансово поддерживать другую сторону, за исключением оказания технической и гуманитарной помощи в соответствующих обстоятельствах. Для осуществления добрососедства целевые финансовые инструменты не создаются.

И, наконец, в-пятых, с высоты уникального европейского опыта, включающего в себя успешную интеграцию, добрососедство является пройденным историческим этапом, или «прочтенной и усвоенной классикой». Выражаясь языком математики, можно сказать, что добрососедство есть институт необходимый, но не достаточный для

---

² Правда, в некоторых случаях добрососедское сотрудничество условно называют «игрой с нулевой суммой», так как затраты на сотрудничество должны адекватно окупаться полученными выгодами. Игра с нулевой суммой — весьма частый случай в международных отношениях. Например, при делимитации взаимной границы равноправные стороны нередко производят обмен территориями по правилу «баш на баш».

решения задач современного европейского уровня, точнее дальнейшего продвижения европейской интеграции. Например, при приеме в члены Европейского союза у стран-кандидатов должны быть урегулированы территориальные вопросы со странами — членами ЕС. Этот постулат можно читать как наличие у интегрирующихся стран автоматически подразумеваемых добрососедских отношений между собой.

Непопулярное слово в объединенной Европе

В стратегии ЕС [1] о добрососедстве говорится только там, где речь идет об отношениях между собой стран-соседей, то есть третьих стран, а не об отношениях между ЕС и его партнерами и тем более не между союзниками внутри ЕС. Далеко не случайно все выглядит так, как будто международные отношения с участием Европейского союза выстраиваются не добрососедскими, а качественно иными — европейскими, нацеленными не только на поддержание добрых отношений, но и на эффект европеизации соседей.

Евросоюз, и в первую очередь Европейское сообщество, являются результатом особого типа взаимоотношений между государствами, которые базируются на добровольном отказе всеми союзниками от части суверенитета, на образовании новых органов власти и на получении, в конечном итоге, ненулевой суммы или добавленной стоимости (an added value). Получение добавленной стоимости Евросоюз преследует и при формировании отношений с прямыми соседями посредством своей ЕПС: основной добавленной стоимостью должно быть повышение внешней безопасности Евросоюза, включая, прежде всего, ее военную и энергетическую составляющие. При этом предполагается, что новые партнеры ЕС также будут готовы добровольно уменьшить свой государственный суверенитет.

Вследствие внутреннего устройства Евросоюз не стал традиционным субъектом международного права и поэтому вместо «политики доброго соседа» реализует ЕПС, а отношения с соседями строит, как уже сказано, не просто добрососедские, а особые, европейские. Так, в документе [13], сказано, что «Восточное партнерство» будет базироваться на шести обязательствах, которые участники проекта должны на себя взять и выполнять. К ним относятся обеспечение верховенства закона, качественного администрирования, прав человека, прав и защиты национальных меньшинств, принципов рыночной экономики и устойчивого развития (эти позиции часто называют также важнейшими европейскими ценностями). В этом состоит коренное отличие европейского соседства от добрососедства: при выстраивании добрососедских отношений предварительные условия обычно не ставятся. Основные принципы ООН Евросоюзом, конечно, не отвергаются. На них обычно дается «глухая» ссылка в форме упоминания о том, что проект ВП или стратегия ЕПС опираются на нормы международного права.

Важнейшей формой европейских отношений соседства призваны быть ассоциативные³ связи («политическая ассоциация и экономическая интеграция»), в которых Европейское сообщество играет определяющую (в английском тексте [13] — proactive) и цивилизующую роль. Не случайно во всех документах ЕС проект ВП называют «амбициозным». Можно было бы даже сказать, что Евросоюз намерен сыграть незавидную роль неокolonизатора XXI в. (некоторые российские авторы именно это и говорят: в публикации [4] проект ВП называют программой «экономически-инфраструктурного аншлюса», а в [3] — «энергетическим колониализмом»), если бы не одно фундаментальное обстоятельство.

Моральное и иное лидерство Евросоюза в современном мире столь велико, что страны-соседи добровольно выстраиваются в очередь за тем, чтобы отдать часть своего суверенитета и стать членами столь привлекательного клуба. Страны, которые сегодня не могут стать членами ЕС, все-таки рассчитывают на то, что в более отдаленной перспективе такая возможность появится. Особенно это касается Украины, которая настаивала на варианте «продвинутого соседства» (enhanced neighbourhood). Для полноты картины необходимо упомянуть и то, что моральное лидерство ЕС подкрепляется также специальными финансовыми инструментами, в частности ENPI (European Neighbourhood and Partnership Instrument) — Европейский инструмент для соседства и партнерства.

Необходимо отметить еще одно международное обстоятельство, причем достаточно парадоксальное. Оказалось так, что страны Восточной Европы (Беларусь, Молдова и Украина), а также Кавказа (Армения, Азербайджан и Грузия) в отношении сотрудничества с объединенной Европой сильно отстали, например, от стран Средиземноморья или государств группы Ломе, объединенных одноименной конвенцией. Указанные страны уже довольно давно имеют значительные преференции в торговле с ЕС, в то время как членам СНГ такие льготы пока недоступны. Одним из важных толчков в зарождении «Восточного партнерства» стало создание 7 июля 2008 г. Средиземноморского союза. На фоне этого события отставание сотрудничества в Восточной Европе становилось уже просто неприличным. Можно добавить, что уже много лет десятки стран, находящихся далеко от ЕС, имеют с ним безвизовые отношения.

До инициативы ВП географический (почти) центр Европы все больше превращался в «захолустье» в отношении сотрудничества с ЕС. Однако даже после окончательного положительного решения в пользу «Восточного партнерства» на конференции в Праге 7 мая 2009 г. данная инициатива в организационном плане заметно отстает от проекта

³ Известный теоретик европейской интеграции М. Эмерсон дает такое определение режиму ассоциации: «Самоуправляющаяся единица (entity) принимает некоторые или даже многие законы от внешнего субъекта — обычно гораздо более сильного соседа, но при этом не становится частью его политической системы. Такой режим считается легитимным ввиду его добровольного эвентуального либо реального принятия» [1]. Отметим также, что в работе [1] была описана, среди других, модель европейского соседства в форме функциональной паутины (cobweb), которая стала основой официального проекта.

соседства ЕС, развиваемого в Средиземноморье. Средиземноморский союз будет иметь штаб-квартиру и секретариат, расположенные в Барселоне, в то время как у ВП отдельного председательства, постоянной штаб-квартиры либо иной формы многосторонней бюрократии не создается. Основные контакты будут завязаны на Брюссель.

Популярное понятие в России

Во внешнеполитических и иных документах в Российской Федерации термин «добрососедство» используется часто, при этом нередко на весьма почетном месте — в названии или преамбуле. В частности, Договор между СССР и ФРГ от 9 ноября 1990 г. имеет название «О добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве». Понятие добрососедства используется не только в отношении государств как субъектов международного права, но и в том случае, если субъектами (актерами) являются региональные власти, юридические и физические лица на приграничных территориях [6; 7].

Хорошо известны случаи употребления термина «добрососедство» в документах, касающихся сотрудничества в военной сфере. Например, Совет глав государств СНГ 26 августа 2005 г. принял «Решение о Концепции военного сотрудничества до 2010 года», в котором говорится, что «развитие военного сотрудничества государств — участников СНГ в период до 2010 года осуществляется на основе принципов... обеспечения мирного и добрососедского развития государств — участников СНГ» [10].

Российское добрососедство может быть дипломатическим «тяжеловесом» и иметь огромное концептуальное значение. Именно в духе добрососедства происходит формирование всего обширного комплекса международно-правовых основ соседских отношений России и Китая [5]. Данный частный, но чрезвычайно важный случай выстраивания отношений с восточным соседом-гигантом говорит о том, в каком сложном геополитическом положении находится евразийское российское государство. Для продвижения соседских отношений на Западе целесообразно было бы сближать европейский и российский образы жизни и максимально «европеизироваться», возможно даже, что и ассоциироваться с ЕС, в то время как на восточном направлении крайне важно держаться за абсолютный суверенитет и концепцию добрососедства. Для того чтобы совместить две противоречащие концепции (это сделать гораздо труднее, чем разрешить в России ездить на автомобилях с правым и левым рулем), пришлось бы иметь два внутренних законодательства — отдельно для западного и для восточного направлений внешней политики. Так как это, наверное, невозможно, Россия оставляет в силе принцип добрососедства, потому что он пока более универсальный, чем европейское соседство.

В Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. [2] добрососедство играет одну из ролей, определяющих суть и содержание документа. В нем определены восемь целей внешней политики, при этом на четвертом месте находится «формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами». С другими государствами и межгосударственными объединениями, а это значит и с ЕС, ведет-

ся «поиск согласия и совпадающих интересов» (следующая в списке цель). Очевидно, что добрососедство на линии РФ — ЕС не размещается.

В Концепции добрососедство упоминается неоднократно, при этом также в направлении сопредельных государств, не входящих в СНГ, с которыми отношения являются особенно сложными: Япония, страны Балтии⁴.

Полнейший суверенитет, добрососедство и сохранение российского влияния в прямом соседстве⁵ — это «наше все» в современной Российской Федерации, это имеет наивысший приоритет. Это же является, на наш взгляд, одной из причин нарастающих противоречий геополитического характера между РФ и ЕС. Пространство, на котором находятся страны — объекты «Восточного партнерства», стало зоной контакта совершенно разных концепций: жесткого (рыночного) «добрососедства» со стороны России (пример из той же Концепции: «Продолжать согласованную линию на создание условий для эффективного строительства Союзного государства через поэтапный перевод отношений между Россией и Белоруссией на рыночные принципы...»); см. также [9]) и мягкого, с проявлением «финансовой заботы» европейского соседства со стороны ЕС⁶. Ввиду явного столкновения концепций все промежуточное пространство между Россией и ЕС активизировалось: к Украине и Молдове добавилась теперь и Беларусь, руководимая А. Лукашенко.

Сегодня ни о каком участии в программах, в которых Россия была бы «асимметричным» пассивным получателем помощи (примерно так, как это было при осуществлении программы TACIS в 1990-х гг.), не может быть и речи. Россия снова признает только симметрию и не может выступать пассивным объектом, она должна быть субъектом-объектом или «просто» субъектом. Поэтому, когда ЕС в 2007 г. предложил в закамуфлированном виде свою помощь в форме Программы соседства и партнерства, российское руководство ответило симметрично и предложило равнозначный финансовый вклад с российской стороны. Немного позднее оказалось, что внутреннее законодательство России не подготовлено к такой форме сотрудничества («контролю за россий-

⁴ Это вызывает некоторое недоразумение, так как согласно упомянутой цели Концепции «добрыми соседями» должны стать все сопредельные государства, включая, разумеется, и членов СНГ. Получается, что статус отношений в Содружестве и с государствами вне его — одинаков. Это создает трудности в понимании глубокого смысла добрососедства. Кроме того, есть и концептуальная неувязка: ведь в Декларации ООН о добрососедстве говорится как об одном из десяти важнейших принципов международного права, а в российской Концепции — как об одной из восьми целей внешней политики государства. Такой разницей не позволяет дать сегодня непротиворечивое определение добрососедства, что является, однако, весьма желательным.

⁵ Добрососедство можно рассматривать также как одну из форм оказания влияния или сопротивления намерению оказать влияние.

⁶ Выделяемая ЕС финансовая помощь восточным партнерам в сумме 600 млн евро на период до 2013 г. представляется невысокой. Однако для сравнения можно отметить, что США в 2002 г. в рамках Инициативы партнерства на Среднем Востоке первоначально выделяли всего 20 млн долларов, в последующем помощь была увеличена до 145 млн долларов.

скими финансами из-за границы)), и это всерьез затормозило участие России в данной программе.

Автору представляется, что если бы Россия вдруг стала членом ЕС, она не смогла бы получать деньги из его структурных фондов (таких, как, например, Фонд для развития отстающих территорий), ибо это ущемляло бы ее суверенное достоинство. Мы имели бы ремейк того, что уже было с помощью в рамках плана Маршалла, от которой в послевоенное время отказался Сталин. В соответствии с описанной стратегической позицией находятся и знаковое отсутствие России на первой конференции по Европейской политике соседства, состоявшейся в Брюсселе в сентябре 2007 г. и собравшей 16 из всех 17 географических соседей ЕС, а также в Праге в мае 2009 г. на старте проекта «Восточное партнерство», независимо от того, было это неучастие добровольным или Россию предусмотрительно не приглашали, зная, что она откажется от гуманитарной помощи в рамках восточного соседства и установления совершенно неприемлемого для нее сегодня ассоциативного режима, извне нацеленного на внутреннее реформирование соседей Евросоюза.

Где свет в конце туннеля?

В таких условиях трудно рассчитывать на быстрый прогресс в общей Европейской политике восточного соседства, которое должно включать также Россию. Отечественные и международные эксперты практически единодушно предсказывают трудный ход переговоров по заключению нового двустороннего соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС. Данная ситуация системного кризиса изобилует предложениями экспертов по выходу из него. Немецкие аналитики (точнее — фонд Бертельсмана) делают предложение искать пути развития на всем восточном направлении в межгосударственном формате Германия — Польша — Россия [14], то есть не очень рассчитывают на наднациональные евросоюзные институты⁷. В то же время эксперт Центра исследований европейской политики М. Эмерсон предлагает создать равносторонний треугольник ЕС — Россия — Украина для решения хотя бы одного острого вопроса — по энергетическому снабжению Европы российскими энергоносителями [11]. Российские специалисты предлагают [8] готовить «большую сделку» между Россией и ЕС сугубо прагматического характера, которая не только «при-

⁷ Представляется, что Россия и ЕС подошли к некоему пределу сближения, дальше которого двигаться не позволяет проблема концептуальной несовместимости ведения международного сотрудничества обеими сторонами. Суверенная симметрия, допускающая, однако, торг и сделки, из чего исходит Россия, несовместима с неизменностью *acquis* Европейского сообщества, который предоставляет партнерам только возможность подстраиваться под него. Особенно сложна для сотрудничества ситуация в тех сферах, где имеют место конкурирующие компетенции Еврокомиссии и государств — членов ЕС (к ним, в частности, относится энергетика).

крыла» бы разногласия в таких доменах, как, например, ценности или указанный выше опасный геополитический клинч на пространстве ВП, но и создала бы новый, довольно фантастический союз Россия — ЕС, который имел бы наднациональные институты для управления совместной энергетикой.

Очевидно, что в отношении генерации и развития идей на восточном направлении предстоит период больших и малых «мозговых штурмов». Частично для этой цели в проекте ВП предусмотрены четыре тематические многосторонние платформы и организация Форума гражданского общества. Было бы большой «многосторонней ошибкой», если бы от участия в этих мероприятиях оказались отстранены российские специалисты. В то же время потенциальные российские участники этих встреч должны быть хорошо мотивированы на совместный поиск развязок.

Заключение

Сформулируем еще раз, в чем на практике заключается разница между классическим понятием добрососедства и Европейской политической соседства.

Осуществлять добрососедские отношения призваны все страны мира — субъекты международных отношений, действующие на основе важнейших принципов *jus cogens* Организации Объединенных Наций. На этих принципах выстраивают свои внешние сношения также и Россия, и Европейский союз. Для России принцип добрососедства очень важен для сохранения в полном объеме государственного суверенитета и для сотрудничества с государствами-партнерами на основе общих прагматических интересов. Страны, входящие в Европейский союз, также, в принципе, придерживаются данной стратегии.

Одновременно Европейский союз, в лице прежде всего Европейского сообщества, являясь новым политическим субъектом с нечетким суверенитетом, разрабатывает и продвигает свои инициативы евроцентристского характера, объединяемые под названием Европейская политика соседства. Составной частью ЕПС стал проект «Восточное партнерство», нацеленный на шесть государств — бывших республик СССР: Беларусь, Украина, Молдова, Азербайджан, Армения и Грузия.

Можно указать три важнейших отличия ЕПС и ВП от стандартной политики добрососедства:

1) кроме интересов учитываются и в одностороннем направлении внедряются европейские ценности (обычно в количестве шести ценностных позиций: верховенство закона, качественное администрирование, права человека, права и защита национальных меньшинств, рыночная экономика и устойчивое развитие);

2) помимо партнерского сотрудничества, характерного для добрососедства, Евросоюз предлагает в рамках ЕПС двигаться к заключению соглашений о более тесных, ассоциативных отношениях. В предыдущие десятилетия двустороннее соглашение об ассоциации означало

перспективу вступления страны в ЕС; в настоящее время такой сценарий не предполагается;

3) для реализации ЕПС действуют целевые финансовые инструменты, создаваемые, в частности, за счет бюджета Евросоюза.

Отношение России к Европейской политике соседства носит амбивалентный характер. Российская Федерация не участвовала в стартовой международной конференции 2007 г., сформировавшей основы ЕПС. В то же время практическое участие различных российских ведомств, учреждений и неправительственных организаций в программах трансграничного сотрудничества ЕС осуществляется в настоящее время и предполагается в будущем.

Список литературы

1. *Дипломатический словарь*. М., 1948.
2. *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. [Сайт]. URL: www.mid.ru/ns-osndoc.nsf (дата обращения: 18.08.2009).
3. *Колеров М.* «Восточное партнерство»: чем доктрина Брежнева лучше. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1131431.html?forprint> (дата обращения: 18.08.2009).
4. *Колеров М., Зотов В.* «Уход Белоруссии на Запад»: игра и погибель. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1170588.html?forprint> (дата обращения: 18.08.2009).
5. *Планета* диссертаций. [Сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://planetadisser.com/see/dis_70488.html (дата обращения: 18.08.2009).
6. *Приложение к постановлению Совета Федерации ФД РФ от 30.05.2008 г. № 193-СФ*. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *Проект Федерального закона «О приграничном сотрудничестве»*;
8. *Россия и Европа — возможен ли союз?* // Русский журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://russ.ru/pole/Rossiya-i-Evropa-vozmozhhen-li-soyuz> (дата обращения: 18.08.2009).
9. *Россия разводится с СНГ*. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mail.ru/politics/1309006/print/> (дата обращения: 18.08.2009).
10. *Решение о Концепции военного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств*. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.kulichki.com/megd2007/bz00/dcm00330.htm> (дата обращения: 18.08.2009).
11. *CEPS — The Centre for European Policy Studies Book Store*. [Электронный ресурс]. URL: http://shop.ceps.eu/BookDetail.php?item_id=1848 (дата обращения: 18.08.2009).
12. *Communication from the Commission "European Neighbourhood Policy"* // COM. 2004. 373 final.
13. *Communication from the Commission "Eastern Partnership"* // COM. 2008. 823/4.
14. *Ochmann C.* Im Osten was Neues // Spotlight Europe. 2009. 06.
15. *Council of the European Union. Presidency Conclusions. 7880. 09.* Brussels, 2009.
16. *Council of the European Union. 8435/09 (Presse 78).* Brussels, 2009.
17. *Emerson M.* The Shaping of a Policy Framework for the Wider Europe // CEPS Policy. 2003. № 39. [Электронный ресурс]. URL: www.ceps.be (дата обращения: 18.08.2009).